

Ник. Сергиевский

ГИШПАНСКАЯ ЗАТЕЯ

Москва

Издательский проект ЧтецЪ

2018

Сергиевский, Н.

Гишпанская затея. М. : Издательский проект ЧтецЪ, 2018. — 268 с.

Издательский проект ЧтецЪ — это издание малотиражных, давно забытых и редких книг русского зарубежья. Проект предназначен специалистам по литературе и истории русской эмиграции, а также ценителям редкой книги. По любым вопросам, связанным с изданием и распространением книг обращайтесь по электронной почте: order@4tets.ru.

© ЧтецЪ, 2018.

НИК. СЕРГИЕВСКИЙ

(б. редактор-издатель литературно-исторического
журнала «Наша Старина»)

ГИШПАНСКАЯ ЗАТЕЯ

Исторический роман

из эпохи Александра I

**Попытка основать русское царство
«Новая Россия» на западе Америки**

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ,

переработанное и дополненное

Russ-Book, Box 42, Whitestone 57

NEW YORK

Copyright, 1955.

by Nicholas N. Sergievsky

**Все права сохранены за автором. Перепечатка каких-либо частей
этой книги, за исключением цитат в критических отзывах, без
согласия автора воспрещается**

**Книга набрана и напечатана в типографии
Grenich Printing Corp. 151 W. 25th St., N. Y. C.**

**Обложка работы художника
А. Е. Агафонова**

Printed in the U. S. A.

В истории экспансии России одну из самых значительных страниц представляют попытки ее правительства утвердиться в Америке при посредстве торговой «Российско-американской компании», оперировавшей в Русской Америке на Аляске и на соседних с нею островах. Как английское правительство в течение 258 лет вело войну за обладание Индией при посредстве своей ост-индской компании, административно-военно-торговой организации, завоевавшей весь Индостан к 1843 году, так и русское правительство в течение почти ста лет упорно боролось за берега Тихого океана в Америке при посредстве своей пушной Российско-американской компании. Очень видную роль в этом деле сыграл одно время энергичный Н. П. Резанов, в начале своей карьеры скромный поручик лейб-гвардии Измайловского полка, а позже любимец Александра I и действительный камергер его, посланный им в 1803 году на Аляску в качестве полномочного представителя, проникший, несмотря на большие препятствия, в Калифорнию, в то время испанскую, и задавшийся целью путем брака с дочерью коменданта форта св. Франциска (нынешнего Сан-Франциско), «фаворитой Калифорнии», т. е. первой ее красавицей и всеобщей любимицей, безумно в него влюбившейся, создать там русскую заокеанскую державу, включив в нее Русскую Америку на Аляске. Трагическая случайность в жизни Резанова помешала осуществлению этой грандиозной «гишпанской затеи». Не будь этой случайности, свидетельствует «Британская энциклопедия», Резанов, вероятно, добился бы своей цели и исто-

рия Америки, а может быть и не одной Америки, сложилась бы иначе.

Сказанное составляет главное содержание романа. Попутно в нем разработано несколько интересных побочных тем, имеющих отношение к главной.

Роман «Гишпанская затея» был впервые издан в 1941 году. Почти все количество книги, напечатанной вне Америки, погибло в начале второй мировой войны за исключением незначительного количества экземпляров, дошедших сюда и быстро разошедшихся. Интерес, вызванный романом в то время, и не прекращавшийся с тех пор спрос на него побудили напечатать настоящее второе издание, значительно переработанное и дополненное новыми историческими данными. В настоящем виде «Гишпанская затея» является единственным русским романом на указанную тему, охватывающим широкий период времени от 1776 по 1867 год.

ГЛАВА 1

«МОНАХ» ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ИЗМАЙЛОВСКОГО ПОЛКА

В начале июля 1794 года вся губернская знать Иркутска, во главе с генерал-губернатором и гражданским губернатором, и все именитое купечество собрались в соборе, где сам владыка в пышном окружении собирался приступить к совершению венчания. Свадьба была из ряду вон: Григорий Иванович Шелихов, один из богатейших сибиряков, основатель крупнейшей компании для добычи и продажи драгоценной пушны в «Русской Америке», выдавал молоденькую падчерицу, любимицу красотку Аню, за молодого столичного чиновника Николая Петровича Резанова, быстро делавшего карьеру в Питере и не так давно приехавшего в Иркутск по особому поручению Екатерины.

Впрочем, вернее будет сказать, — по поручению Зубова. Потому что дело вышло так.

Примерно год тому назад, Григорий Иванович приезжал в Петербург хлопотать о даровании ему привилегий в Русской Америке с женой своей Натальей Алексеевной, женщиной выдающейся по уму и деловитости¹. Эта Русская Америка состояла из новых островных владений в северной части Тихого Океана, включая огромный остров у Аляски и самую Аляску, открытых за последние 50 лет русскими промышленниками, ринувшимися в эту новую часть света с ее сказочными пушными богатствами после открытий Витуса Беринга^{1а} в царствование Анны Иоанновны. Одним из таких был Григорий Иванович Шелихов, человек бчень предприимчивый и бесстрашный, по происхождению сын разорившегося мелкого торговца, рыльского мешанина Ивана Шелихова. Быстро разбогатев в Сибири, Григорий Иванович уже с 1776 года стал отправлять в северные воды Тихого океана свои суда, построенные на

собственных верфях в Охотске, вывозя оттуда грузы ценнейших мехов — бобра, котика, голубого песка, также моржовых клыков и китового уса, открывая новые земли, объявляя их русскими и приводя диких туземцев в подданство Екатерины. Чтобы побить конкурентов, русских и иностранных, хищно изводивших зверя в им же открытых землях, Григорий Иванович привлек к делу денежного земляка, курского купца Ивана Ивановича Голикова, жившего в Иркутске в ссылке по делу о злоупотреблениях по винному откупу на родине. Они образовали компанию, и дела Шелихова развернулись еще шире. Чтобы окончательно утвердиться в новом обширном краю, надо было добиться от правительства привилегий на исключительное право пушного промысла там и таким путем избавиться от всех соперников. Несколько лет назад хлопотать по этому делу ездил в Петербург Голиков, помилованный тогда по случаю открытия памятника Петру в Петербурге — знаменитой фальконетовой статуи у сената. Имел же Голиков к Петру близкое отношение. Еле научившись грамоте в юности, он прочел случайно рукописные записки некоего архимандрита Михаила, служившего священником в одном из петровых полков и бывшего свидетелем многих событий петрова царствования, увлекся деяниями великого преобразователя, стал собирать материалы о нем и, попав в ссылку, решил на досуге написать первую многотомную историю о Петре². Шелихов с Голиковым знали, что Екатерину Русская Америка не интересовала. Она думала, что России в Америке — «где то там у шорта на кулишки» — делать нечего, а пушной промысел полагала делом частным, на поддержку которого у нее средств не было: был полон рот своих хлопот, — на врату висели новые войны с Турцией и Швецией. Но умнейшая жена Григория Ивановича придумала поднести их дело Екатерине под привлекательным культурным соусом, любезным сердцу августейшей приятельницы французских энциклопедистов. И, следуя инструкциям, полученным от Шелиховых, Голиков, сам в Русской Америке не бывавший, трогательно расписал императрице, как открыв огромный остров Кадьяк, компаньон его, в противоположность хищным соперникам, думавшим только о мамоне, первым делом по усмирении диких туземцев построил им школу, где сам проповедывал

слово Божье, привив многим тысячам дикарей любовь к России и православной вере.

— Учредив в 1781 году компанию с Григорием Ивановичем, — расписывал Голиков, — достигли мы в восемьдесят четвертом Алеутских островов, а засим покусились, с упованием на помощь Божию, отважиться на отыскание и других земель, никем еще не открытых, хотя по местоположению уже известных. Народы оных не пожелали иметь с нами мирного и дружелюбного обхождения; именуются же оные народы: агмохмюты, коряки, афогнаки, кенайцы, чугачи. Но разными оборонительными сражениями и ласковыми средствами склонили мы дикарей на содружество и подчинили их российской державе. И Господь вложил в сердца их не только к нам искреннюю любовь, но зря они в воскресные, праздничные и другие именитые дни богослужение наше, хотя оное и без священнического содействия происходило, наиусерднейше возжелали и они воспринять веру христианскую и верными вашего величества подданными стать. Соизволь же, матушка государыня, к трудам нашим просветительным и подвигам нашим верноподанническим все милостивейшее внимание поиметь.

Картина получалась грандиозная и умильная. Образ бесстрашного мореплавателя Шелихова, открывающего новые земли и не мечом, а крестом и лаской насаждающего в них цивилизацию, выходил очень привлекательным. И выслушав долгие речи Голикова, Екатерине пришлось переменить «аттитюду» к Русской Америке и ее цивилизатору, и Шелихову милостиво было разрешено приехать в Петербург для личного доклада дела коллегиям. Дать государыне персональное заключение о деятельности Шелихова вызван был сибирский генерал-губернатор Якоби. Тот, взяточник отчаяннейший, — дело о его хищениях уже скоро готовилось приехать в Петербург «в трех кибитках» — расписал Шелиховых в таких красках, что Екатерина сразу подумала, — сорвал и тут. Тем более, что у нее тогда были уже свои данные, чтобы судить, как шелиховские промышленники ласково обращаются с туземцами и насколько прозелитизм Григория Ивановича искренен: она получила от английского мореплавателя Биллингса³, посланного ею обследовать Русскую Америку,

первые общие сведения, порядочно расходившиеся с докладом Голикова. Но коллеги высказались в пользу Шелихова-Голикова, не посчитавшись с их мнением и отзывом генерал-губернатора Екатерина не нашла удобным и, в результате, она в сентябре 1788 года подписала похвальную грамоту, которою, в воздаяние полезных трудов Шелихова и Голикова, им предоставлялось исключительное право пушного промысла в Русской Америке, но только в тех землях, которые Шелихов действительно открыл первым. Кроме того, за заслуги по заведению во вновь открытых землях торговли и промышленности коммерц-коллегия выдала им субсидию в размере двухсот тысяч рублей, а сенат пожаловал шпаги и золотые медали «за услуги, оказанные человечеству» их «доблестными подвигами», как гласили надписи на медалях. В ходатайстве же Шелихова о посылке в Русскую Америку флота, духовной миссии и ссыльнопоселенцев, ремесленников и пахарей, для колонизации ее, было пока отказано.

В этот приезд в Петербург Шелиховы познакомились с Николаем Петровичем Резановым, в то время 24-летним поручиком лейб-гв. Измайловского полка. Отца его, Петра Гавриловича, обер-секретаря гражданского департамента сената, они хорошо знали по прежней долгой и идеально бескорыстной службе его председателем иркутского известного суда⁴, и не преминули теперь навестить старика, память которого все сибиряки очень чтили.

Это было шесть лет тому назад. С тех пор в жизни молодого Резанова произошли большие перемены. Человек он был незаурядный, образованием, старательно данным ему дома, стоял головой выше большинства товарищей, честолюбив был не в меру своих скромных средств, а поэтому удовлетворить честолюбие на военной службе не видел возможности. К тому же особенного призвания к ней не чувствовал, к шальной жизни гвардейцев склонности не питал и ресторациям предпочитал литературные салоны, поскольку они тогда водились в Петербурге. Тут он встретился с Державиным, быстро входившим тогда в силу, и, зная наизусть его оды, и сам чувствуя склонность к литературе, сумел тому понравиться — этим даром нравиться, кому нужно было, молодой человек вообще обладал. И Державин его к себе приблизил. А у Державина был уже